

**ВЫСШЕЕ МЕДИЦИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В САМАРЕ 1917–1930 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И ПОИСК ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ**

Вопросы реформирования высшего образования и поиска эффективной модели подготовки специалистов-медиков активно обсуждаются в современном российском обществе. В связи с этим сохраняет свое значение проблема соотношения трансформаций и преемственности в образовательном пространстве, что повышает актуальность обращения к историческому опыту, к изучению тех периодов, когда государство и социум решали похожие задачи.

Несмотря на то, что революционная эпоха обычно рассматривается как период радикальных преобразований, на примере становления высшего медицинского образования в Самаре можно проследить не только поиск новых форм и подходов, связанный с установлением советской власти, но и тенденции к сохранению определенных традиций европейской и российской практики подготовки врачей.

Высшее образование в XIX в. было представлено двумя основными формами: институтами, ориентированными на выпуск практических специалистов, и классическими университетами гумбольдтского типа, сформировавшимися под влиянием эпохи Просвещения. При этом обучение на медицинских факультетах базировалось на сочетании первого и второго подходов, что способствовало становлению новой, уникальной для того времени образовательной системы. Оставаясь в рамках университетов, они были переориентированы на клиническую подготовку специалистов-лекарей с правом ведения самостоятельной медицинской практики. В Российской империи начало реализации новых подходов к обучению врачей было связано с принятием университетского устава 1804 г.¹

Наряду с медицинскими факультетами университетов в дореволюционной России существовали и другие формы специализированного государственного и негосударственного высшего медицин-

* © Заводюк Светлана Юрьевна (swetlana89277056763@mail.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, медицины и социальных наук, Самарский государственный медицинский университет.

ского образования: Военно-медицинская академия, женские медицинские институты, Психоневрологический институт и т.д.²

В Самаре становление высшего медицинского образования изначально было связано с историей создания университета. Потребность в подготовке собственных кадров была значительной, так, в 1914 г. на одного врача в регионе приходилось 16 318 жителей, что более чем в два раза превышало средние показатели по России³. Сложилось и определенные условия для развития высшего медицинского образования. В городе была сеть учреждений здравоохранения, увеличившаяся в 1914-1917 гг. за счет военных госпиталей, работала земская фельдшерская школа, к концу XIX в. появились научно-практические институты (Пастеровская станция, бактериологическая лаборатория по производству вакцин) и т.п.⁴ Прогрессивная общественность Самары настойчиво добивалась открытия в городе университета, предпринимая в этом направлении вполне конкретные шаги: так, с 1873 г. в городе действовало общество поощрения высшего образования, а некоторые коммерческие организации жертвовали средства на эти цели⁵.

После февральских событий 1917 г. новая государственная власть, реализуя демократические начала в общественной жизни, двигалась в сторону расширения сети высших учебных заведений и улучшения условий их существования. Однако реализации проекта открытия университета в Самаре мешали объективные трудности, в первую очередь недостаток материальных ресурсов и профессорско-преподавательских кадров. Тем не менее, открывая «Педагогический институт Самарского губернского земства», городская общественность не отказывалась от идей развития университетского, в том числе медицинского высшего образования. Эта тенденция проявилась с самых первых недель работы Организационной комиссии по формированию нового вуза. В ее деятельности активное участие принимал известный врач и ученый Евгений Леопольдович Кавецкий, который уже на первоначальном этапе, связанном с созданием педагогического института, не только ставил вопрос об открытии медицинского факультета, но и вносил конкретные предложения относительно его размещения и клиник⁶.

Для формирования профессорско-преподавательского состава нового вуза в Самару приглашали известных специалистов, в том числе и в области естественных и медицинских наук. Так, например, лектором по физиологии, детской и школьной гигиене на историко-филологическом факультете начал работать Валентин Вла-

диславонович Гориневский, сыгравший впоследствии важную роль в формировании в регионе высшего медицинского образования⁷.

После официального открытия педагогического института 29 октября 1917 г.⁸ идея создания университета с медицинским факультетом не была забыта. Уже 5 ноября 1917 г. первый ректор университета А.П. Нечаев направляет ректору Саратовского университета письмо с просьбой выслать ему сведения о площади, занимаемой вузом, а также о корпусах, расположении в них факультетов и кафедр⁹. Видимо, предоставленная информация стала отправной точкой для разработки собственного проекта, который предусматривал строительство 28 корпусов, клиник и т.д.¹⁰ Безусловно, план не был реалистичным, но упоминание в проекте клинической базы явно свидетельствовало о стремлении развивать высшее медицинское образование. Эта тенденция нашла отражение и в резолюции Совета педагогического института от 20 апреля 1918 г. об открытии естественного и медицинского факультетов¹¹. Однако практическое воплощение изложенного в резолюции решения было связано с установлением в Самаре власти Комитета членов Учредительного собрания. 10 августа 1918 г. приказом Комуча № 216 Самарский пединститут был преобразован в университет и наделялся всеми соответствующими правами, в том числе и правом самостоятельно открывать новые факультеты¹².

Подготовительные работы к открытию медицинского факультета осуществляла комиссия во главе с В.В. Гориневским. Уже 1 октября 1918 г. начали читаться лекции на 1 курсе, а через некоторое время был сформирован 2 курс из студентов других вузов, задержавшихся в Самаре в связи с событиями Гражданской войны. Работа по созданию новых факультетов продолжилась и после восстановления в Самаре советской власти. 27 декабря 1918 г. Самарский губернский отдел народного образования постановил (протокол № 20), что медицинский и естественный факультеты с 1 января 1919 г. считаются открытыми¹³. Однако реальность вносила свои коррективы; основным препятствием стала нехватка преподавательских кадров. По этой причине 20 февраля 1919 г. Совет университета принял решение об организации объединенного естественно-медицинского факультета (протокол факультета № 1)¹⁴. Только к концу 1919 г. преподавателей стало достаточно для того, чтобы в январе 1920 г. было принято решение о формировании самостоятельного медицинского факультета Самарского университета¹⁵.

С открытием осенью 1919 г. третьего курса встал вопрос об организации клинической подготовки студентов. В этих условиях Самар-

ский Губздрав предоставил для нужд преподавания все лечебные учреждения Самары, а также изъявил готовность помочь университету оборудованием. 28 февраля 1920 г. был создан Клинический совет факультета, который занимался поиском помещений для клиники и их оборудованием. К весне 1921 г. эта задача была успешно решена¹⁶. В это же время медицинский факультет получил в свое распоряжение дом на углу Хлебного переулка и Николаевской улицы¹⁷ (сейчас – Морфологический корпус СамГМУ).

Структура факультета выглядела в этот период следующим образом. Возглавлял его декан и Совет факультета, в состав которого входили профессора П.В. Занченко, В.Н. Воронцов, М.А. Нольде, А.А. Корнилов, преподаватели Бирюков и И.И. Цветков, прозектор В.А. Гусьнин, а также шесть студентов. В подчинении Совета находились комиссии – естественная под председательством профессора М.С. Сканови, естественно-медицинская (профессор О.С. Манойлова), анатомическая (профессор Э.Н. Винтелер), хирургическая (профессор П.В. Занченко) и терапевтическая (профессор М.Н. Гремячкин). Комиссиям подчинялись кафедры, из которых 17 относились к клиническим и 13 – к теоретическим¹⁸.

Самарский университет был тесно связан с ведущими государственными и общественными организациями. При медицинском факультете функционировали общества невропатологов, хирургов и терапевтов¹⁹. Крупнейшим из медицинских обществ было Научное общество врачей города Самары, на заседаниях которого регулярно читали лекции преподаватели университета.

Уже в 1921 г. правительство берет курс на сокращение вузов. Решение о закрытии медицинского факультета Самарского университета до его полной ликвидации принималось три раза. Первое постановление рассматривалось 9 декабря 1921 г. на заседании коллегии Главпрофобра, где слушался вопрос «О сокращении сети учебных заведений»²⁰. Второе – в 1923 г., когда было принято решение о расформировании Самарского государственного университета. Третье – 8 августа 1924 г. в декрете СНК РСФСР «Об изменении сети высших учебных заведений»²¹.

В 1923 г. медицинскому факультету удалось настоять на своем временном сохранении в составе трех курсов безо всяких финансовых дотаций со стороны центра и Губисполкома, чтобы дать студентам возможность завершить образование без перевода в другие вузы. Это стало возможным лишь благодаря самообложению студентов (обучение в университете стало платным) и самоотвержен-

ности преподавательского состава (профессора согласились работать за 20 рублей в месяц, а другие научные сотрудники – за 12-15 рублей)²². В 1925/26 учебном году медфак даже вновь получал государственные дотации. Согласно декрету СНК РСФСР «Об изменении сети учреждений Народного комиссариата просвещения» от 11 сентября 1925 г., Самарский университет в составе пятого курса медицинского факультета включался в финансовую смету Наркомпроса²³. В итоге факультет продолжал функционировать до 1927 г., сохраняя значительную клиническую базу.

Медицинские факультеты, являясь органичной частью формирующейся в СССР системы высшего образования, переживали трудности, характерные для большинства учебных заведений страны того периода. Непоследовательность решений центральной власти коснулась не только Самары, но и других вузов; так, например, то принимались, то отменялись постановления о ликвидации Смоленского университета и ряда других.

Отношение партийного руководства к университетам изначально было неоднозначным. До 30-х гг. сохранялись сторонники радикальной пролеткультуровской позиции, считавшие их устаревшей буржуазной формой организации высшего образования, которую необходимо ликвидировать. Несмотря на то, что принципиальные противники университетского обучения постепенно сдавали свои позиции, многие объективные факторы способствовали усилению критических настроений по отношению к университетам. Дело в том, что большевистское правительство предъявляло к системе высшего образования особые требования, касающиеся социального состава студенчества, преподавания предметов с марксистских позиций и т.п.

Поскольку, с точки зрения идеологов новой власти, университетская наука и подготовка кадров до революции пребывали в кризисе, были стеснены «академической китайщиной, мелкими дрязгами и интригами, убивающими всякий творческий дух», предлагалось реформировать образовательную систему, сделать высшее образование максимально доступным, «широко распахнуть двери университета перед своей молодежью», создать свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию²⁴.

Однако на практике политику пролетаризации вузов реализовать оказалось не так просто. В университетах преобладали непролетарские элементы. Например, в Самарском университете в 1919 г. большинство студентов составляли выходцы из семей мещан (143

человека), затем шли 130 представителей крестьянства, 99 почетных граждан, 92 представителя духовенства, 63 чиновника, 21 учитель, 19 купцов, 10 врачей и фельдшеров, 9 дворян, 4 казака и 3 офицера. Социальное происхождение остальных осталось невыясненным. По вероисповеданию большинство относилось к православным (461 человек)²⁵.

После принятия 22 марта 1923 г. декрета ВЦИК и СНК РСФСР о порядке взимания платы за обучение в учреждениях Народного комиссариата просвещения ситуация не улучшилась. Напротив, государственное обеспечение университетов, государственные пайки и стипендии играли важную роль в реализации классового подхода к обучению и в формировании контингента студентов из рабочих и крестьян. Сокращение финансирования автоматически приводило к ослаблению влияния в этой сфере. Провал «красногвардейской атаки» в области высшего образования усиливал позиции тех, кто критично относился к университетам.

Одновременно правила, допускающие прием в вузы всех желающих без вступительных экзаменов, действовавшие с 1918 г., привели к тому, что в начале 20-х годов аудитории были переполнены, катастрофически не хватало преподавательских кадров, значительная часть студенчества плохо справлялась с программой обучения. Не случайно в докладе заведующего отделом медицинского образования Главпрофобра И.С. Ружейникова на IV Всероссийском съезде здравотделов в декабре 1922 г. были поставлены задачи повышения теоретических и практических знаний выпускников²⁶. Это знаменовало начало постепенного, хотя и не всегда последовательного, перехода от концентрации на количественных показателях к повышению качества выпускаемых специалистов.

Однако в условиях острой нехватки средств такая установка вылилась в сокращение значительной части наиболее уязвимых с точки зрения материальных возможностей региональных университетов. Еще в марте 1922 г. на II съезде военкомов республики нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко отмечал: «Положение высшей школы слишком безвыходное. Мы слишком широко размахнулись, не учитывая реальные ресурсы»²⁷.

Таким образом, отсутствие последовательной образовательной политики сочеталось с серьезными материальными сложностями 20-х гг. Война и революционные потрясения нанесли колоссальный урон экономике, ситуация осложнялась внешнеполитическими проблемами, ограничивающими импорт и возможность получе-

ния кредитов для развития страны. В этих условиях был взят курс на сохранение государственных средств и сокращение финансирования многих организаций, не приносивших непосредственного дохода. Самарский Губздрав вынужден был выполнять предписания циркуляров о мероприятиях по осуществлению режима экономии и ежемесячно отчитываться о принятых в этом направлении мерах в их «материальном выражении»²⁸.

Очевидно, именно необходимость работы в условиях жесткой экономии вызывала недовольство со стороны губернского руководства тем, что медицинский факультет пользовался «губздравовскими учреждениями для практических и клинических занятий». Делался вывод, что «с точки зрения материальной связь эта невыгодна Губздраву»²⁹.

Снижение количества студентов происходило не только в порядке экономии средств, но и в связи с увеличением в годы Советской власти общего количества врачей на душу населения и проблемами трудоустройства дипломированных медицинских специалистов в условиях слабого развития хозяйства и сокращения сети медицинских учреждений³⁰.

Число врачей в РСФСР по сравнению с 1913 г. действительно выросло примерно на 41 %. По данным 1924 г. в среднем на одного врача приходилось 4 211 человек, тогда как в 1913 г. — 6 900³¹.

Однако вряд ли проблема состояла именно в переизбытке медицинских или других специалистов с высшим образованием. В противном случае всего через несколько лет, к началу первой пятилетки, не встал бы так остро вопрос дефицита образованных людей для осуществления массовой модернизации. Скорее можно констатировать неспособность руководящих органов к грамотному и системному планированию подготовки врачей по регионам, сосредоточенность исключительно на сиюминутных задачах экономии средств, без понимания долгосрочных перспектив развития, и отсутствие каких-либо программ, стимулирующих выпускников вузов для поиска работы в сельской местности.

Именно неравномерность распределения медицинского персонала была в 20-е гг. общей проблемой. Согласно отчету о работе Самарского Окргздрава в 1927-1928 гг., как раз в то время, когда была прекращена работа медицинского факультета, на одного врача в регионе приходилось 8 453 жителя, что в два раза превышало средние показатели по России³².

X Губсъезд Здраводелов Самарской губернии в 1926 г. отмечал «чрезвычайно ненормальное и недопустимое явление» — наличие

безработных врачей в г. Самаре при большом недостатке последних в уездах³³. Действительно, на 3 июня 1927 г. в Уздравах Самарской губернии было 27 вакансий³⁴. Проблему предлагалось решать исключительно жесткими административными мерами. Съезд настаивал на немедленном снятии специалистов, не желающих ехать в сельскую местность, с учета на бирже труда и лишения их права претендовать на какие-либо должности в пределах г. Самары³⁵. Но, судя по документам 1928 г., даже это указание Облздрави не всегда последовательно исполнялось³⁶.

В итоге в условиях отсутствия четких, непротиворечивых представлений о развитии высшего образования и экономических сложностей вузы лихорадило, предпринимались попытки ограничить роль университетов, сократить наборы, проводились постоянные, часто необоснованные эксперименты с формами работы и методикой преподавания, «чистки» преподавательского, студенческого состава и т.п.

Сами сотрудники Самарского университета хорошо понимали необходимость сохранения формирующихся традиций подготовки врачей и научного потенциала в регионе, в связи с чем, когда вопрос о прекращении обучения студентов на медицинском факультете был окончательно решен, разработали проект об организации при университете курсов для усовершенствования врачей. Однако Губздрав в решении от 29 января 1927 г. посчитал, что реализация этого проекта «не вызывается необходимостью» и существование курсов «нецелесообразно». Средства, которые могли бы быть выделены на повышение квалификации врачей, предлагалось использовать на увеличение количества стажеров³⁷.

Расформирование медфака заняло почти весь 1927 г. — выпускались студенты и ординаторы, ликвидировались структуры, передавалось другим организациям имущество. Часть оборудования переходила к Губздраву для обеспечения средних медицинских учреждений в Самаре³⁸, другая, значительная часть имущества попала в распоряжение бактериологического института имени Ру³⁹.

Уже через год начало ускоренной индустриализации сделало очевидным просчеты Наркомпроса, связанные с сокращением высших учебных заведений. При реализации первого пятилетнего плана руководство страны столкнулось с необходимостью массовой подготовки специализированных, в том числе и медицинских, кадров. Однако деятельность классических университетов по-прежнему оценивалась негативно. Считалось, что они не могут соответство-

вать задачам ускоренного культурного развития и реконструкции народного хозяйства. Правительство пошло по пути создания, с одной стороны, научно-исследовательских институтов для разработки прикладных исследований и решения практических задач, а с другой — отраслевых вузов для ускоренного обучения узкопрофильных специалистов. Так, 19 июня 1930 г. в постановлении Совнаркома РСФСР «О реорганизации системы подготовки врачебных кадров» отмечалось, что ошибочная целевая установка на подготовку врачей общей квалификации далеко отстает от спроса на квалифицированных медицинских работников в различных отраслях здравоохранения⁴⁰. Далее, в общем постановлении ЦИК и СНК СССР о реорганизации вузов, техникумов и рабфаков от 23 июля 1930 г. предусматривалось преобразование многофакультетных высших учебных заведений в отраслевые. В связи с чем подготовка медицинских специалистов в рамках университетской системы в СССР была прекращена.

Примечания

¹ Университетский устав (5 ноября 1804 г.) // Сайт МГУ им. М.В. Ломоносова «Летопись Московского университета» [Электронный ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327>.

² Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 36-38.

³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 8. Л. 245.

⁴ Введение в Самарское краеведение / Автор-сост. Л.В. Храмов. Самара, 2003. С. 160.

⁵ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 20. Л. 128-128 об.

⁶ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 8. Л. 18.

⁷ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 8. Л. 35.

⁸ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

⁹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

¹⁰ Столяров О.Д. Основные вехи становления и развития медицинского факультета Самарского государственного университета в 1918–1923 гг. // Память о прошлом — 2018. VII историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России (Самара, 15-17 мая 2018 г.): сб. статей / сост.: О.Н. Солдатова (отв. сост.), Г.С. Пашковская. Самара, 2018. С. 435.

¹¹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 96. Л. 1 об.

¹² ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

¹³ Столяров О.Д. Основные вехи становления и развития медицинского факультета Самарского государственного университета в 1918 – 1923 гг. С. 435-436.

¹⁴ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 96. Л. 2.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 96. Л. 4 об.

¹⁶ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 96. Л. 4 об.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 96. Л. 5.

¹⁸ Столяров О.Д. Основные вехи становления и развития медицинского факультета Самарского государственного университета в 1918 – 1923 гг. С. 437.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 96. Л. 5 об.

²⁰ Ерыгина Н.Т. «Мы слишком широко размахнулись...» // Высшее образование в России. 2009. № 2. С. 153.

²¹ Декрет СНК РСФСР «Об изменении сети высших учебных заведений» от 8 августа 1924 г. // Сайт «Библиотека нормативно-правовых актов СССР» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2118.htm.

²² ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 314.

²³ Декрет СНК РСФСР «Об изменении сети учреждений Народного комиссариата просвещения» от 11 сентября 1925 г. // Сайт «Библиотека нормативно-правовых актов СССР» [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2641.htm.

²⁴ Покровский М.Н. Реформа высшей школы // Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. Кн. 4. Лекции, статьи, речи. М., 1967. С. 457-458.

²⁵ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 55. Л. 2 об.

²⁶ Ерыгина Н.Т. «Мы слишком широко размахнулись...». С. 152.

²⁷ Там же. С. 153.

²⁸ ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 11. Д. 10. Л. 1.

²⁹ ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 11. Д. 24. Л. 84.

³⁰ Ерыгина Н.Т. «Мы слишком широко размахнулись...» С. 152.

³¹ Там же. С. 152.

³² ЦГАСО. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 8. Л. 245.

³³ ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 27. Д. 3а. Л. 2.

³⁴ ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 11. Д. 25. Л. 107.

³⁵ ЦГАСО. Ф. 158. Оп. 27. Д. 3а. Л. 2.

³⁶ ЦГАСО. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 11. Л. 161.

³⁷ ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 11. Д. 24. Л. 86-87.

³⁸ ЦГАСО. Ф. Р-158. Оп. 11. Д. 24. Л. 87.

³⁹ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 349. Л. 47.

⁴⁰ Постановление Совнаркома РСФСР «О реорганизации системы подготовки врачебных кадров» от 19.06.1930 г. // Сайт «Правовая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://lawru.info/dok/1930/06/19/n1199105.htm>.